

АЛЕКСАНДР ФОН ШЁНБУРГ

ИСКУССТВО
СТИЛЬНОЙ
БЕДНОСТИ

Как стать богатым без денег

*Перевод с немецкого
С. Городецкого*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2020

ALEXANDER VON SCHÖNBURG

DIE KUNST
DES STILVOLLEN
VERARMENS

Wie man ohne Geld reich wird

ROWOHLT • BERLIN

УДК 17
ББК 87.77
Ш47

Оформление А.В. Хохловой

ISBN 978-5-7516-1587-1

Originally published under the title

DIE KUNST DES STILVOLLEN VERARMENS

Copyright © 2005 Rowohlt Berlin Verlag GmbH, Berlin

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2020

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Исходная позиция
Почему надо экономить
9

Герои бедноты
Как показать себя с лучшей стороны без денег
25

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Жизнь или кошелек
Work less, live more!
54

Лелей домашний очаг
О ценности квартиры
66

Аппетит приходит во время еды
Плохая привычка хорошо поест
76

Fitness for free
Как поддерживать форму новому бедному
87

Наваждение вождения
Почему лучше не иметь машины
91

Отпускное отупение
Аргументы против дальних поездок
100

Старый наряд короля

Шик новых бедных

111

Культурный запор

Апология очищения

115

Детки, детки

О воспитании без потребительской зашоренности

126

Стильный шопинг

Как ходить за покупками, не теряя головы

135

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Бедные богачи

Почему деньги мешают счастью

147

Непреходящие ценности

О том, что делает нас богатыми

166

Словарь

179

Коротко об авторе

190

Часть первая

В жизни лучше привыкать к неудачам.
Это избавляет от лишних печалей.

Хельмут Бергер

Исходная позиция

Почему надо экономить

В те славные времена, когда экономика еще переживала эпоху бурного развития, я сидел в роскошной конторе, раздавал визитки одного из лучших медиаконцернов страны и благодаря нашему трудовому праву готовился узаконить свои отношения с рабочим местом по истечении испытательного срока. Дома, в книжном шкафу, в аккуратной папочке хранился трудовой договор, предполагавший регулярное повышение моего оклада. Согласно договору, ежегодная надбавка составляла около 1000 марок. Так что я собирался медленно, но верно богатеть. Заботы о будущем, которые меня в то время не беспокоили, взял на себя мой работодатель. Почти равные заработку суммы уходили на разные виды страхования: пенсионное, на случай болезни, страховку по безработице и страховку жилья.

Получилось же все иначе, и виной тому стал стоп-кран. Работодатель сорвал его, когда в Нью-Йорке Усама Бен-Ладен кардинально изменил ход истории и руководство медиаконцерна пришло к выводу, что огромные инвестиции в новый human capital — следствие наивного убеждения, что золотой век конца девяностых будет длиться вечно. Резкое торможение выбросило за борт всех, кого набрали за последние два года.

Когда нас принимали на работу, газету настолько распирало от всяческих объявлений, что по выходным

почтальон не мог засунуть ее в прорезь почтового ящика. Читатели, которых не интересовал рынок труда, брали в руки субботний выпуск и сразу же выкидывали раздел объявлений. За год на этот раздел наверняка уходил небольшой смешанный лес, для транспортировки которого сжигали энергию, накапливавшуюся миллионами лет. Издательства, разумеется, полагали, что так будет продолжаться и дальше. Люди боялись упустить благоприятный момент. Все, от руководства концерна до пенсионеров, грабивших собственные сберкнижки и отправлявшихся на биржу, боялись оказаться в стороне от экономического подъема. Компании делали массовые инвестиции, а граждане — скупали все подряд, в том числе и «народные акции».

В результате наступило тяжкое похмелье, и неудивительно, что сначала его почувствовали работники средств массовой информации. А первое, на чем там экономят, когда уменьшается приток денег, — это объявления. Сокращение отводимой на них статьи бюджета позволяет сэкономить миллионы. При этом не возникает социального напряжения, не требуется административно-технических затрат и, главное, результат достигается в мгновение ока. Мы работали в прогрессивном приложении к консервативной газете и, конечно, стали первыми жертвами резни бензопилой на рынке хорошо оплачиваемого труда.

Лично мне пришлось довольно тяжело, потому что прокормить небольшую семью можно, только если есть постоянный заработок. И все же я старался войти в положение компании: ведь никто не мог заранее поручиться, что фирма сможет содержать целый штат новых сотрудников. Я принял свое увольнение с юмором висельника, решив, что это один из тех случаев, когда важно не ударить в грязь лицом. В оставшиеся рабочие дни я приходил на работу в подчеркнуто прекрасном настроении и старался вести себя так, чтобы ни у кого не возникло ощущения, будто я ропщу на судьбу. Теперь я, как и некоторые старые сотрудники, каждый день являлся в

галстук. Придя в редакцию последний раз — стоял необычайно солнечный осенний день, — я устранил на рабочем месте следы своего недолгого пребывания, передал комнатные растения в ведение главной секретарши и обошел всех коллег, прощаясь и давая понять, что оставил свой кабинет «стерильно чистым».

Большинство уволенных считали, что с нами «скверно обошлись»: сперва нас цапнули, как лакомый кусочек, а потом выплюнули, когда надобность в нас отпала. И все же, хотя это увольнение стало для меня первым и остается по сей день единственным, так что сравнивать его пока не с чем, мне не кажется, будто с нами поступили чересчур скверно. «Скверные» увольнения выглядят совсем иначе. В странах с либеральными порядками, например в Великобритании, нет никаких правил по оповещению служащих о грядущем сокращении. Поэтому одна лондонская страховая компания просто-напросто разослала SMS-сообщения. А другая фирма придумала способ еще похлеще. Включив пожарную сигнализацию, руководство заставило всех выйти на улицу. Обратное вошли лишь те, у кого сработали магнитные карты. Наконец, Американский инвестиционный банк и вовсе устроил в своем лондонском отделении лотерею: увольняли тех, кто вытягивал «ноль».

Разумеется, не бывает приятных увольнений, но если бывают деликатные, то мое, несомненно, относится к таковым. Меня усадили в мягкое кожаное кресло, начальник заверил, что с моим уходом компания понесет большой урон, а сослуживцы, которых не коснулось сокращение, нянчились со мной так, словно я был неизлечимо болен. Причем не только коллеги относились ко мне с участием. На летнем празднике у президента — одном из последних мероприятий, о которых я писал для нашей газеты и на котором мне удалось хорошенько угоститься, — мне выразил свои соболезнования даже глава магистрата, прежде не достаивавший меня вниманием.

Берлинцы, строившие планы на будущее, понимали, что вскоре последуют новые сокращения. На окнах стеклянных дворцов, спроектированных модными архитекторами девяностых и выстроенных словно по мановению волшебной палочки, красовались вывески: «Сдается под офис». Нередко буквами помельче приписывали: «На выгодных условиях». Потом выяснилось, в чем заключались эти условия. Некоторым владельцам до того не терпелось снова задействовать пустовавшие помещения, что они бесплатно сдавали их прогоревшим компаниям. Фридрихштрассе, которую собирались сделать чем-то вроде Бонд-стрит или Фобур Сент-Оноре с роскошными отелями, ювелирными магазинами, мужскими парикмахерскими и дорогими магазинами одежды, пустовала в то самое время, когда пешеходные кварталы Ульма и Филлинген-Швеннингена кишели чокнутыми потребителями. Продавщицы в пустующих магазинах «Шанель», «Гермес» или «Луи Вюиттон» тосковали без покупателей. Люди, заходившие туда (какие-нибудь заблудившиеся русские), по их удивленным лицам догадывались о глубине экономического кризиса. Тех сумм, которые прежде позволяли концернам вроде «Фольксвагена» или «Немецкого банка» отхватывать филейные кусочки на бульваре Унтер-ден-Линден, теперь хватило бы на то, чтобы скупить полгорода.

Стали видны недостатки нашей социальной системы, так как серьезные проблемы с трудоустройством испытывали молодые, здоровые, образованные люди. Большую часть прежнего оклада мне теперь выплачивало государство, и после определенного срока я имел право рассчитывать на регулярное пособие, размер которого определялся размером все того же оклада. Таким образом, можно было вообразить себя директором собственной фирмы и ежемесячно получать годовой заработок индийского пилота.

Особенно занимательным мне показалось то, что произошло с моей знакомой. Уволили нас почти одновременно. Она работала редактором на телевидении и,

несмотря на то что ее отец был председателем правления смешанного концерна, всерьез говорила о получении так называемых «переходных денег». На подаренной папкой «пятерке» БМВ она отправилась в Грюнвальд, в эти трущобы богатых близ Мюнхена, чтобы пожаловаться на злую судьбу под сенью пригородного дворца родителей. «Переходные деньги» она получала без всякого зазрения совести, так как, по ее собственным словам, имела на них право. А кто же станет пренебрегать правами?

Я и сам сперва получал такое пособие. Весьма приличную сумму, которая позволила безработному отцу семейства начать новую жизнь с длительного путешествия. Когда же я вернулся домой, то обнаружил кипу писем с биржи труда. В них говорилось, что если я лично не явлюсь на биржу до такого-то числа, то выплаты прекратятся. За мной сохранялось право опротестовать данное решение. Но я этим правом не воспользовался.

Конечно, замечательно, что мы живем в стране, где, по словам Петера Стордейка, «общее благосостояние распределяется среди восьмидесяти процентов населения». Однако по-прежнему неясно: выдержит ли наша прославленная стабильность приостановку в медоточивом потоке государственных инвестиций и пособий, скрывающем все социальные различия, согласно концепции Эрхарда «Благосостояние для всех».

Большинство экспертов, к сожалению, считают, что массовые увольнения — лишь предвестники будущего величия. В этом году ожидается еще около 100 тысяч банкротств компаний и частных предпринимателей, а также ускорится перемещение производства в страны с дешевой рабочей силой. Согласно осторожным прогнозам, к 2010 году сократятся каждое четвертое рабочее место на производстве и каждое третье в розничной торговле. К тому же не надо забывать о распространившейся практике слияний. Сейчас в Германии более 400 тысяч банковских служащих. Но кто из них сохранит свое

место, когда число банков уменьшится вдвое? Давление глобализации на наши кошельки скоро станет настолько сильным, что даже те, у кого будет работа, не смогут поддерживать прежний уровень жизни.

«В тот день, когда откроют последнюю цистерну нефти, капитализм рухнет», — сказал Макс Вебер в знаменитой беседе с Вернером Зомбартом. Большинство из нас до этого дня доживет. Колин Кемпбелл, непререкаемый авторитет в оценке запасов нефти, в 2004 году заявил: «Судя по всему, в следующем году мы достигнем максимума». Этот «пик», который Кемпбелл раньше прогнозировал на 2010 год (за что числился в рядах пессимистов), станет «моментом истины для всемирной экономики». После него она будет существовать за счет запасной канистры, а размеры потребления увеличатся.

Если справедливо, что сегодняшний рост цен на нефть свидетельствует о начале решающей гонки по добыче нефти, то мы приближаемся к смене эпох и кризис 1929 года по сравнению с грядущим всемирным экономическим кризисом покажется детской забавой. Время беззаботного пред рождественского шопинга, время, когда можно было включить стиральную машинку, чтобы постирать пару носков, время двух квартир, трех автомобилей и поездок в Тунис на выходные скоро станет для нас далеким, сказочным прошлым. Цены на электричество, отопление, воду, транспорт взлетят вверх, а значит, во много раз возрастет стоимость коммунальных услуг. Старательное мытье баночек из-под йогурта и использование ламп дневного света ничем ситуацию не улучшат. Так что на самом деле стабильность нашей экономики можно сравнить лишь со стабильностью браков Йошки Фишера.

Не будем обманываться: лучшие годы уже позади. Однако в этом есть и положительная сторона: капитализм веками учил нас, что бедность — нечто постыдное. Бедняки считались неудачниками, тупицами, лентяями. И все же аксиома капитализма, утверждавшая «Может каждый!», оказалась ложной. Может не каждый! Рушат-

ся карьеры, люди разделяются на победителей и побежденных, и число последних постоянно растет. Сегодня обеднение перестает быть личной катастрофой, потому как оно вызвано общими проблемами. Судьба отдельного бедняка становится проявлением исторической закономерности, а это в какой-то степени утешает.

Намного легче перенести собственное фиаско на фоне краха целой эпохи. Этим объясняется то хладнокровие, с которым люди, изгнанные в 1945 году из своих дворцов и усадеб, продолжали жить при новых порядках. Старый остзейский граф сказал мне как-то со смешным, характерным для прибалтов выговором : «Имуш-шество, друг мой, имуш-шество — веш-шь преходяш-шая. Мы потеряли всё, зато расселились по миру. Париж, Мадрид, Южная Америка. В эстонской провинции порой бывает невыносимо скуш-шно».

Собственный опыт позволяет мне утверждать, что определенная степень обеднения и правильное отношение к нему могут способствовать формированию неподражаемого стиля. Предки мои беднели на протяжении многих веков, и нет ничего странного в том, что я могу дать несколько советов, как чувствовать себя богатым в годину бедности.

Возвышение нашего рода относится к глубокой древности. Люди тогда боялись разбойников и искали защиты от отчаянных головорезов у их менее отчаянных коллег «в законе». Деньги текли рекой и позволяли нам отстраивать прекрасные замки. Наше первое родовое гнездо, Шёнбург, с X века стоит в Тюрингии на берегу Зале. Во времена императора Барбароссы, в середине XII века, мы расширили наши владения в районе Мульде и построили новую резиденцию в Глаухау. Рвы замка в Глаухау не были заполнены водой, как это обычно делалось. Нет, в качестве дополнительного устрашения во рвах жили медведи. До XVIII века наш род правил в сегодняшней Юго-Западной Саксонии. Веттины, ставшие к тому времени курфюрстами, из поколения в поколение